

Андрей Лаврухин

К вопросу о социальной стабильности в Республике Беларусь

Abstract.

Автор ставит перед собой задачу прояснить понятие социальной стабильности в Беларуси, опираясь на концептуальный, методический и понятийный инструментарий феноменологической социологии. В центре внимания — связь между повседневным (дореклексивным) опытом социального взаимодействия индивидов, социальной политикой государства и автономным функционированием социальных структур. На этом основании выявляются причины, механизмы и формы перверсивной стандартизации социальной жизни в Беларуси.

Ключевые слова: допредикативный опыт, социальное взаимодействие, идеально-типическая схема, феноменология, социальное окружение, нормирование и стандартизация, социальная стабильность, социальные институты Беларуси.

I. Постановка вопроса

В новейшей истории Беларуси, пожалуй, нет слова, употребляемого и критикуемого чаще, нежели «стабильность». Правда, уже набившая оскомину частота его употребления вовсе не означает, что смысл этого понятия совершенно очевиден и не требует никаких дополнительных разъяснений. Скорее, наоборот: его совершенная непроясненность как раз и обеспечивает «стабильности» надежную дурную славу, порождая государственные идеологические мифы и их контридеологические оппозиционные развенчания. О пагубности первых сказано уже немало. Однако, на мой взгляд, контридеологическое развенчание мифа о стабильности, не утруждающее себя прояснением экономических, социальных и политических аспектов этого понятия, не менее опасно и губительно для белорусского социума, чем его официальное визави. Ведь самозабвенное ироничное развенчание широко прокламируемого властью тезиса наводит на мысль о том, что понятие «стабильность» изобретено исключительно в наших широтах, во вполне определенное время и при определенных экономических, социальных и политических условиях и, как все изобретенное в это злосчаст-

ное время, должно быть выброшено за борт за ненужностью.

Между тем более чем очевидно, что даже при радикальной смене политического режима всем нам долго еще придется пользоваться теми структурами и правилами, которые, увы, были созданы и отработаны за означенный период времени. Хотя это нисколько не отменяет необходимости проведения политических, экономических и социальных реформ. Однако если в нашем сознании не будет четкого представления о том, как должно быть иначе, все столь долго ожидаемые реформы приобретут характер бесплодных благих пожеланий и маниловских проектов. Для успешного проведения любой реформы важно знать: а) что не так в работающей структуре и б) как должна работать новая структура. Данная работа ставит перед собой задачу разъяснить некоторые аспекты понятия *социальной стабильности* или *стабильности социальных структур*. Исследование будет осуществлено в два этапа: на первом этапе будут даны предварительные концептуальные и терминологические разъяснения, позволяющие определить ту систему координат, в которой затем, на втором этапе, будет рассмотрена специфика организации социального пространства Беларуси.

Иными словами, для первого этапа исследования ключевым является вопрос о том, при каких условиях социальная структура может называться стабильной, а для второго — можно ли назвать стабильными социальные структуры Республики Беларусь.

II. Разъяснение понятийного инструментария

Чтобы ответить на первый вопрос, возьмем на вооружение понятия *идеально-типической схемы* и *стандартизации* из понимающей (феноменологической) социологии Альфреда Шюца¹. Начнем с простого (школьного) разъяснения этих понятий.

В своей концепции построения социального мира Шюц различает две определяющие жизнь социума социальные сферы: *ближайшее* и *более широкое социальное окружение*. Под *ближайшим социальным окружением* понимается круг родственников, друзей и ближайших знакомых, на глазах у которых я рождаюсь, взрослею, старею и умираю; это мир самых близких людей, с которыми, как говорит Шюц, «мы старимся вместе» (Schütz, 1960: 234ff). Отличительной особенностью *ближайшего социального окружения* является то, что все мои отношения с окружающими меня людьми имеют характер непосредственного, личного контакта. В отношениях с ними у меня есть определенный запас знаний (моя биография тесно сопряжена с биографией моего партнера по социальному действию). В ближайшем социальном окружении мое обращение к партнеру и ответная реакция партнера воспринимаются непосредственно и сразу (ожидание реакции находит свое непосредственное, чувственно воспринимаемое наполнение — я вижу мимику лица моего партнера и, благодаря имеющемуся запасу знаний о нем, хорошо понимаю его реакцию). Поэтому всех окружающих меня людей и меня самого как партнера по социальным отношениям можно назвать собирательным сло-

вом «мы». Причем, говоря «мы», каждый подразумевает вполне определенных, хорошо известных ему индивидов, поскольку индивид здесь дан как самость в его непосредственной телесной данности в *допредикативном*² опыте мы-отношения, где тело выступает в качестве поля выражения подразумеваемого смысла и осуществленного действия. Как отмечает Шюц, каждому партнеру ближайшего социального окружения доступны акты конституирования социальных смыслов и отношений (Schütz, 1960: 236f).

В случае с *более широким социальным окружением* мы имеем дело с миром незнакомых людей, в отношении которых у нас нет предварительного запаса знаний. Здесь партнер по социальному взаимодействию дан опосредованно, он является не моим ближним, но *мне подобным*. Опосредованная данность другого базируется на опосредованном полагании другого (например, если я захожу на почту, я полагаю, что там должны быть служащие, даже если я в настоящий момент их не вижу) и выявлении приписываемых индивиду функций путем умозаключения (заметив человека за стеклом в спецодежде, я предполагаю, что он и есть служащий). Иными словами, опыт более широкого социального окружения *предикативен*, он осуществляется в ходе выработки суждений при осознанной экспликации моего опыта относительно того или иного социального окружения. Примечательно, что в сфере *более широкого социального окружения* социальное взаимодействие дискретно во времени: я лишь предполагаю, что этот человек за стеклом относится к служащим почты, но это может оказаться и знакомый служащих, и грабитель и проч. И если в опыте ближайшего социального окружения мне доступны акты конституирования социальных смыслов и отношений, то в опыте более широкого социального окружения — лишь продукты конституирования. Узнать о том, верны ли были мои предварительные предположения, можно лишь задним числом (например, прочитав в газете, что

¹ Выбор концептуального и методического инструментария феноменологической социологии обусловлен желанием понять не столько статистические (количественные) параметры, сколько качественную смыслообразующую специфику социального порядка. Это позволяет также осмыслить связь между повседневным опытом социального взаимодействия конкретных индивидов и функционированием гигантских анонимных социальных структур, в которых роль индивида совершенно незначительна. Автор в полной мере отдает себе отчет в том, что этот подход далеко не единственный и уж точно не единственно верный. Наконец, стоит обратить внимание на преимущественно формальный, технический характер разъяснений понятия социальной стабильности.

² Допредикативный опыт — это рефлексивно необработанный и неорганизованный повседневный опыт, переживаемый в простой (наивной) поглощенности «самоочевидными» данностями («фактами») индивидуальной или коллективной жизни, не нуждающейся в аргументации и теоретической рефлексии.

сегодня в такое-то время было ограблено такое-то почтовое отделение, я понимаю, что на самом деле я видел грабителя, а не почтового служащего, как полагал прежде). Первоначально взаимная соотнесенность перспектив существует лишь в воображении действующих лиц. Поэтому акты, интенционально направленные на alter ego в более широком окружении, Шюц называет *установка на вы* или *вы-отношение*. Это подчеркивает *анонимность* процесса социального взаимодействия в более широком социальном окружении. Предметом *установки на вы* является не субъективный смысловой контекст, а социальная функция или социальная роль и, шире, социальный мир в целом. Нетрудно догадаться, что так понятая анонимность как раз и составляет сущность социальной жизни: в повседневном социальном обиходе мы имеем дело не с личностями, но, скорее, с исполнителями определенных социальных ролей или функций. Так, когда мы заходим на почту, то прежде всего рассчитываем, что наше письмо придет в означенные сроки к своему адресату, и не важно, кто именно это сделает, почтальон Иван или почтальон Александра. Понятно также, что анонимность свидетельствует о развитости социума: мы не нуждаемся в частных беседах (скандалах со служащими или с начальником почтового отделения) как раз до тех пор, пока все роли и функции исполняются без сбоев или, иначе говоря, социальная структура работает стабильно.

Что же позволяет той или иной социальной структуре быть стабильной? Тот простой факт, что социальные ожидания оправдываются, причем многократно, что позволяет партнерам по социальному взаимодействию определять их как *типические*. Важно отметить довольно высокую степень рефлексивности социальных акторов более широкого социального окружения: единство alter ego здесь конституируется в *синтезе интерпретативных актов*, который Шюц называет *синтезом рекогниции*. Обращаясь к излюбленному Шюцем примеру с почтовыми службами, можно сказать, что я интерпретирую этого человека в униформе в качестве служащего почты, но вполне может оказаться и так, что моя интерпретация неверна. Стабильной же социальная структура будет тогда, когда моя интерпретация при более или менее сходных условиях многократно подтверждается в опыте и само alter ego доводится до так называемой *идеальной типизации*. Конституируемый идеальный тип (допустим, служащий почты) не от-

ражает специфический облик одного-единственного индивида, но устанавливает, при всех вариациях и прочих изменениях, некий среднестатистический инвариант, в отношении к которому у меня есть определенные социальные ожидания и требования. И так, всех социальных индивидов можно было бы классифицировать по определенным идеальным типам. Тем самым мы, вслед за Шюцем, пришли к определению понятия «идеальный тип», имеющему очень важное значение для понимания смысла стабильной социальной структуры: *идеальный тип чужого человеческого поведения обозначает прежде всего типизирующее постижение заданных нам объективных смысловых контекстов и протекающих действий, реальных и идеальных предметностей, в которых проявляется человеческое поведение* (Schütz, 1960: 253ff). Что же такое идеальные типы? Идеальные типы — это интерсубъективно релевантные интерпретативные схемы, которые всегда есть наготове в сознании каждого индивида, вступившего в социальное взаимодействие. Это именно схемы, пустые формы, которые тот или иной субъект апплицирует на субъекта социального окружения, идентифицируя его как, скажем, служащего почты, и к которому направляются те или иные требования и ожидания.

Ранее мы говорили о том, что в силу анонимности социальных структур все содержательные моменты лишь предполагаются, воображаются, но не осуществляются. Идеально-типическая схема позволяет ориентироваться в смысловом пространстве социума, но вовсе не обеспечивает устойчивости социальных связей. А именно устойчивость социальных связей является главным условием стабильности социальной структуры. Это означает, что для нормального (стабильного) функционирования социума одной только идеально-типической схемы недостаточно. Успех социального взаимодействия возможен лишь в том случае, если имеющиеся в голове у каждого социального актора *идеальные типы* будут *нормированы* или *стандартизированы*. Понятия стандарта (соответственно стандартизации) и нормы (соответственно нормирования) имеют определяющее значение для разъяснения понятия стабильности социальной структуры: действующий порядок работает как универсальная интерпретативная схема, и чем ближе этот порядок к стандарту, тем больше вероятности, что социальные ожидания и притязания действующего субъекта будут восприняты адекватно его незри-

мым, анонимным социальным партнером. Для восстановления стабильного социального порядка чрезвычайно важно, чтобы идеально типические способы и формы социального поведения приобретали характер стандартизированной нормы, которой необходимо следовать, а не просто понять или принять во внимание. Таким образом, *с понятием стандартизации связывают не просто наличие хороших правил, продуманных норм поведения, взвешенных законов и прочих нормативных предписаний, а также не всего лишь их понимание и принятие гражданами, но их действительное использование в жизни, их безусловное применение на практике.*

Собственно говоря, стандартизация означает, что социальное взаимопонимание и взаимодействие осуществляются значительно эффективнее, если каждый из социальных партнеров стремится в максимальной степени приблизить свое действие к стандарту. В обществах, где степень стандартизации высока, у партнера по социальному взаимодействию практически не возникает проблем с адекватным пониманием и верной интерпретацией того или иного социального поведения, тех или иных социальных ожиданий и / или требований. Социальное взаимодействие происходит как бы «автоматически», а жизнь социума состоит из прописанных и четко выполняемых кодов поведения. В силу того что знание правил одновременно означает его выполнение, т. е. квалифицируется в качестве навыка, в социуме значительно облегчен переход от ближайшего к более широкому социальному окружению, а также отстроено стабильное воспроизводство навыков социального поведения: уже в школе дети отрабатывают навыки решения стандартных социальных проблем и учатся самостоятельно решать вопросы социального взаимодействия. В противном случае даже приобретенные в школе навыки социального поведения оказываются бесполезными в силу отсутствия эквивалентов стандартного социального поведения в реальной жизни. Поведение утрачивает свою социальную релевантность, а социум теряет устойчивость, т. е. становится нестабильным.

В заключение предварительного разъяснения обратимся к еще одному понятию, связанному уже с диахроническим измерением социума, — понятию «мира предшественников». К миру предшественников относят всех тех, кто, не присутствуя актуально, тем не менее имеет суще-

ственное символическое значение для организации социума и даже может выступать в качестве образца социального поведения. Однако стоит отметить, что в полном смысле слова у предшественников нет горизонта будущего, их мир инвариантен, он сбылся. В отношении предшественников возможны любые установки (подражания, негативного примера, определенности традицией и т. п.), но абсурдно воздействовать на предшественников с целью ожидания ответной реакции (за исключением т. н. первобытных обществ). А это означает, что с миром предшественников невозможно установить полноценное социальное взаимодействие. Ведь если в случае с ближайшим и более широким социальным окружением имелось некое смутное ядро, служащее исходной точкой для типизирующей интерпретации, то в случае с предшественниками такого ядра нет. Мы не в состоянии определить, насколько релевантно наше социальное поведение по отношению к предшественникам, так как у нас нет никакой ответной реакции с их стороны, подтверждающей или опровергающей наши ожидания и требования. Поэтому акты, интенционально направленные на alter ego мира предшественников, Шюц называет *установкой на они* или *они-отношение*.

А теперь подведем итог и попытаемся дать краткий лаконичный ответ на поставленный ранее вопрос: при каких условиях социальная структура может называться стабильной? Нисколько не претендуя на единственно верное и окончательное определение этих условий, заметим следующее. Социальная структура может считаться стабильной в том случае, если, *во-первых*, она будет выведена за пределы межличностных отношений в пространство анонимного существования структуры и функций или социальных ролей, выполняемых теми или иными индивидами. Структура способна к длительному существованию не тогда, когда она завязана на конкретных личностях, с потерей которых утрачивается та или иная ее функция, но, наоборот, когда потеря конкретной личности не приводит к утрате функции. Иными словами, анонимность структуры подразумевает замену индивида при сохранении той функции, которую он выполняет в структуре, что и обеспечивает ее длительную жизнеспособность. *Во-вторых*, если в сознании субъекта социального взаимодействия имеется набор идеально-типических схем, позволяющих понимать, идентифицировать и задействовать те или иные

социальные роли, функции и структуры. *В-третьих*, если имеющиеся в сознании отдельных индивидов идеально-типические схемы в максимальной степени нормированы или стандартизированы, т. е. приобрели характер социально-релевантного навыка поведения.

III. Дестандартизованный социальный порядок в Беларуси

Насколько социальный порядок Республики Беларусь соответствует этим условиям? На первый взгляд — вполне. Более того, сам вопрос многим покажется абсурдным — ведь решение любой социальной проблемы имеет свой четко прописанный алгоритм действия, с которым знаком каждый гражданин Республики Беларусь или, если это не так, он может с ним в любой момент познакомиться благодаря справочным и информационным службам, которые позволят ему пополнить запас идеально-типических схем и разъяснить, в какую инстанцию необходимо обращаться в тех или иных случаях. За истекшие 10 лет произошли значительные изменения в структурной организации социума, которые для большинства граждан приобрели узнаваемый (идеально-типизированный) и хорошо отработанный (стандартизированный) вид. Но это лишь общее утверждение, которое должно быть подкреплено и верифицировано опытом повседневной социальной жизни.

Возьмем простой и понятный пример постановки на очередь для строительства жилья через кооператив. С точки зрения предписанных, то есть нормализованных и стандартизированных, действий, которые требуются, здесь всем все ясно. Но если мы спросим, насколько реальность борьбы за место в очереди соответствует предписанным правилам и нормам, то легко обнаружится, что как минимум на 50% очередь сформирована не по правилам, а «по знакомству и личной договоренности». Этот пример показателен, он является собой не досадное исключение, но скорее устойчивое, неизменное правило: в магазине, в больнице, в армии, в бизнесе, на таможне и даже в тюрьме тот, кто придерживается официально установленных правил, всегда будет проигрывать перед тем, у кого хорошие знакомства. А это означает, что степень социальной адаптации и уверенности в своем будущем у индивида, окруженного сонмом хороших знакомых, намного выше,

чем у индивида, обладающего всем необходимым запасом социального знания и навыками социального поведения, но лишенного полезных связей и знакомств. Понятно также, что «человек, имеющий хороших знакомых» не утруждает себя бесполезным освоением идеально-типических схем поведения, а уж тем более их стандартизацией. Но тем самым «человек, имеющий хороших знакомых» не только успешно решает свои проблемы, но и привносит энтропию в социальную структуру общества в целом, поскольку перед нами налицо отсутствие всех трех условий, необходимых для формирования стабильного социального порядка: девальвация анонимных социальных отношений и их трансформация в отношении ближайшего социального окружения; нарушение идеально-типических схем поведения; отказ от стандартизации. Что же является причиной такого социального поведения? Может быть, государство недостаточно настойчиво обращает внимание на обязательность следования правилам? Едва ли, аппарат государственного принуждения в Беларуси отлажен как часы. Более того, все мы являемся свидетелями непрерывных, громких разоблачений взяточничества и «коррупции на местах».

Между тем, как свидетельствуют эксперты Всемирного банка в своем докладе «Вопросы Управления — 2006» (Governance Matters, 2006: Worldwide Governance Indicators; Беларусь..., 2006), по сдерживанию коррупции Беларусь занимает далеко не лучшее место (-0,9 при высшей оценке +2 и низшей оценке -2). Понятно, что это «достижение», скорее всего, не является результатом целенаправленных усилий правительства. Но это вовсе не означает, что проводимая в Республике Беларусь социальная политика не способствует дестандартизации социальной жизни косвенным образом — через создание общего социального климата, благоприятствующего коррупции и разложению нормализованных социальных связей. В пользу этого тезиса, на наш взгляд, говорят три обстоятельства: ориентация социума на саморефлексию в качестве коллектива ближайшего социального окружения; вытеснение, маргинализация и симуляция публичного пространства и неоправданное приписывание миру предшественников горизонта будущего.

Ориентация социума на саморефлексию в качестве коллектива ближайшего социального окружения. Указать на четкое понимание и самоопределение государственной стра-

тегии социализации общества Республики Беларусь не так-то просто — долгое время эта стратегия осуществлялась по наитию, интуитивно, без нужды в саморефлексии. И лишь совсем недавно появилась потребность в ясных, четких формулировках, имеющих прежде всего дидактическую ценность — государство поставило перед собой цель разработать идеологию как концентрированное выражение социально-политической саморефлексии граждан Беларуси. В одной из ее версий мы найдем такое определение: «Для белорусов, как и для русских и украинцев, основным является не личность, а коллектив, общество с идеалами братской любви и солидарности» (Князев, 2004: 364). Эта формулировка представляется очень удачной в том отношении, что она лаконично и четко определяет тот смысл, который подразумевался во всех прежде не артикулированных, интуитивных действиях власти. Действительно, речи и действия президента Беларуси вводят нас в мир неформальных и даже интимных переживаний, которыми делятся обычно в кругу родных и близких. Используя терминологию Шюца, можно сказать, что метафора «братская любовь» указывает в направлении мира ближайшего социального окружения, именуя себя собирательным словом «белорусский народ», который сплочен единым, недифференцированным на отдельные, индивидуализированные волеизъявления, самоопределением «мы»³.

Нетрудно заметить, что здесь есть некое противоречие: согласно определению, все отношения субъектов, составляющих ближайшее социальное окружение, имеют характер непосредственного, личного контакта, в то время как в случае, например, общения главы государства с почти десятиmillionным населением Беларуси этого нет и быть не может. Но, как это ни парадоксально, именно это противоречие является продуктивным и очень удобным для власти: с одной стороны, она может ввести гораздо более безопасных и легче поддающихся контролю массмедийных симулякров, замещающих конкретных индивидов социального взаимодействия, а с другой — эффект близости позволяет сосредоточить внимание на «страстях отношений» и неприметно осуществить процедуру замены реальных личностей на их визуальные и символические образы. Эффект реальности достигается в силу того,

что массмедийное пространство самореферентно, т. е. «знание, заимствованное у массмедиа, словно само по себе образует закрытую, саму себя подпирающую структуру» (Луман, 2005: 8). Самореферентность массмедийной структуры значительно усиливается в идеологизированных обществах, где нет конкурирующих производителей информации и знания, а значит, и того зазора между разными СМИ, который позволяет потребителю задуматься над причинами расхождения. В идеологизированных обществах проблема референции и верификации массмедийных конструкторов отпадает за ненужностью по той простой причине, что пространство идеологии, ненасытно пожирая реальность, само представляет собой некую нежить, колеблющуюся между реальностью и ее массмедийным конструктором. В результате у зрителя напрочь отбивается способность проводить различие между картинкой на телеэкране и фактом, имеющим место за пределами массмедиа. Именно поэтому зрителя уже несколько не смущает тот факт, что общается он не с президентом во плоти и крови, а с его визуальным образом на телеэкране, что его собственное имя как партнера по социальному взаимодействию не «мы, белорусский народ», но Иван да Мария, Саша и Сирожа.

Конструируемая массмедиа модель социальных отношений имеет парадигмальный характер, то есть понимается как базовый, доминирующий способ установления социальных связей и необходимая предпосылка стабильного функционирования социума. Обескураживающее президентское «ты» теперь можно услышать везде — в транспорте, в ЖЭС, в магазине, в больнице, в университете. Все социальные связи понимаются как «свой», «решаемые», близкие. А среди близких, как известно, трудно найти незаинтересованного третьего, который мог бы исполнить роль объективного третейского судьи. Поэтому так трудно нормально поставить новую сантехнику и при этом не испортить отношений с работниками ЖЭС, купить хорошую колбасу и не поругаться с продавщицей, посетить поликлинику и не повредить нервную систему себе и врачам. Везде приходится задействовать дополнительный экзистенциальный ресурс, поскольку стандартного, нормированного поведения явно недостаточно, ведь все социальные роли и

³ Ср. определение Шюца: «Среда Я и среда Ты, т. е. наша среда является единой и общей. Мир Мы — это не твой и не мой частный мир, но наш мир, общий нам интерсубъективный мир, заданный нам изначально» (Шюц, 2004: 896).

функции не имеют обязательной силы, а являются лишь неизбежным злом, которого каждый служащий, по возможности, избегает. В вашем магазине может находиться 20 продавцов, которые по долгу службы должны оказываться всегда рядом, но, увы, каждый из них занят любимым делом. И только когда вы начнете «выяснять отношения», на вас обратят внимание.

Таким образом, сеть социальных отношений, построенная по модели ближайшего социального отношения, постоянно требует дополнительного приватного контроля, дублирующего нормированную социальную жизнь. Такая социальная структура сложна, неэффективна, непредсказуема и небезопасна для функционирования социума как структуры. Как часто нам, посещая ту или иную институцию, приходилось замечать, что один и тот же вопрос у двух служащих получает поразительно разные интерпретации и предписания к действию. Именно поэтому, чтобы смягчить «конфликт интерпретаций» на шаге 2 какого бы то ни было дела, мы интуитивно стремимся именно к тому служащему, который рекомендовал нам шаг 1. Мы завязываем определенную социальную функцию и роль на вполне определенную личность, не будучи до конца уверенным, что при ее отсутствии, с любым другим служащим мы благополучно достигнем конечного пункта своих бюрократических мытарств. Таким образом, *сама социальная роль или функция в нашем социуме подчас оказывается производной от доброй воли, настроения, симпатии или антипатии того или иного служащего*. А это означает, что, во-первых, тем самым ставится под вопрос анонимность социальной роли, обеспечивающей устойчивость функционирования социума как структуры, а во-вторых, партнеру по социальному взаимодействию с таким служащим трудно сформировать в своем сознании идеально-типическую схему, поскольку настроение и симпатия, как известно, вещи изменчивые и эфемерные. В то же время отсутствие такой схемы означает непредсказуемость и нестабильность социального взаимодействия. В этой ситуации есть три выхода: 1) пребывать в состоянии социальной дезориентации и стойчески положиться на непостижимую волю чиновника; 2) требовать разъяснения схемы поведения; 3) искать обходные пути для достижения своей цели, т. е. опять же, задействовать круг «добрых знакомых». Однако в случае со вторым путем затраты энергии

слишком велики и они не оправдываются результатами. В итоге в нашем обществе преобладают две социальные установки — позиция апатичного, стоического терпения любых социальных перипетий, какими бы абсурдными они ни были, и позиция прагматичного решения личных проблем благодаря задействованным связям, то есть коррупция. В первом случае идеально-типическая схема не востребована в силу пассивности субъекта социального взаимодействия, во втором случае она не востребована в силу ее бесполезности.

Таким образом, власть, может быть, и на самом деле борется с коррупцией, однако сама она нуждается в патерналистском социуме, скрепленном не четко прописанными нормами и стандартами социальных связей, но «доверительными отношениями» с каждым на «ты», замешанными на абстрактном «духе коллективизма» и «братской любви».

Вытеснение, маргинализация и симуляция публичного пространства. Стандартизация не может состояться не только в силу указанных выше поведенческих установок, нерелексивно воспитываемых государством, но и потому, что государство вполне осознанно, целенаправленно *вытесняет, маргинализирует и симулирует публичное пространство*. Публичное пространство *вытесняется и маргинализируется* по той простой причине, что на настоящий момент в Беларуси практически не осталось ни одной общественной организации, партии или СМИ, которые: а) в скрытой или явной форме не управлялись бы государством и б) имели бы легальный статус. Абсолютное большинство по-настоящему альтернативных, негосударственных организаций и движений выведено за пределы так называемого правового поля. Эпоха игры прокуратуры Республики Беларусь и других компетентных органов в «фиксацию нарушения» правил, которые «по уставу» предписаны той или иной институции, закончилась, поскольку теперь уже нет ни институций, ни их уставов. А это означает, что соответствующие органы могут уже не церемониться и не играть в «наш суд, самый гуманный суд в мире», но без труда инкриминировать любое дело любому субъекту. По сути, на сегодняшний момент можно вести речь о формировании единственного института — института диссидентства или «гражданского общества партизанского типа».

Однако публичность не только вытесняется

и маргинализируется, но и *симулируется*. В этом состоит примечательная черта авторитарной власти нового типа — ей недостаточно вытеснить и маргинализовать оппонента, но гораздо важнее занять место этого оппонента и стать оппонентом и оппозиционером по отношению... к самой себе. Изящнее всего это удалось сделать в России — политическая война всех против всех 1990-х настолько стремительно и неприметно трансформировалась в героическую борьбу одних и тех же с теми же, что даже пристрастные западные аналитики спохватились слишком поздно: «партии» уже борются, «гражданское общество» требует от государства новых свершений, СМИ говорят правду и только правду и ничего кроме правды, а подавляющее большинство граждан делает легитимным status quo. Несколько иная ситуация сложилась в Беларуси. Битва с политическими и гражданскими оппонентами была настолько беспощадной, жестокой и искренней (то есть «чэснай» в терминологии власти), что не заметить перехода от стадии вытеснения и маргинализации к стадии симуляции никак нельзя. Новообразованные общественные объединения, партии и движения *не замещают, но, скорее, удваивают* реально существующие организации. Общественная и политическая среда страны сплошь населена двойниками: Федерация профсоюзов, Союз поляков, Союз писателей и многие другие новорожденные организации существует *не вместо, но вместе* со своими прототипами. Налицо ситуация социальной шизофрении. Наиболее свежий и яркий пример — битва за воссоединение Партии коммунистов Белорусской (ПКБ) и Коммунистической партии Беларуси (КПБ). Примечательно, что такая ситуация — сознательно или бессознательно — рассматривается властью не только и не столько как проблема (ведь раздвоение явно мешает стандартизации социального пространства), но и как наиболее удобная и благоприятная среда для осуществления взаимоисключающих стратегий: регрессивной (реанимация социалистического старого) и прогрессивной (построение капиталистического нового). В ситуации социальной шизофрении гораздо легче «принять решение», издать приказ или декрет, осудить и посадить, а затем со спокойной совестью «самого себя высечь», сославшись на раздвоение социального его политической партии, общественной организации, СМИ и т. п. Несовпадение субъекта власти с

самим собой наилучшим образом позволяет утаивать одно и сосредотачивать внимание на другом. Так, власть долго и упорно приучала нерентабельные предприятия и колхозы к дотированию (этот факт она тщательно утаивает) как раз для того, чтобы в 2007 году сказать им, какие у них плохие привычки (это она нарочито подчеркивает), и именно поэтому дать очередной (разумеется, самый последний) кредит. Бесчисленность и противоречивость законов, а также их перманентная ситуативная изменчивость создает наиболее благоприятные условия для их нарушения (здесь в своем авторстве власть не признается) и последующего беспощадного наказания за нарушения (посадки коррупционеров и взяточников имеют характер показательного шоу). При этом главное, что хочет сказать власть, находится где-то между тем, что скрывается, и тем, что выпячивается напоказ, — она может и умеет наказывать, причем не «за что», а «потому что».

Именно поэтому в деле симуляции Республика Беларусь, проигрывая в изяществе, «обставила» Российскую Федерацию по существу — к тому времени, когда перед властью Беларуси встала задача симуляции тех или иных отдельно взятых гражданских институтов и политических партий, она уже имела за плечами гораздо более важный опыт *тотальной симуляции повседневной социальной жизни*. Долгие годы идеологической промывки мозгов через официальные СМИ, а также агрессивная и последовательная экспансия в образовательные и воспитательные учреждения, увы, принесли свои плоды. По-видимому, здесь сработал старый как мир закон — лишь малая и скромная ложь может быть разоблачена в качестве таковой, большая и наглая ложь, повторенная многократно, становится реальностью. А в контексте этой реальности все частные перверсии и бессмысленности выглядят не такими уж абсурдными и противоречивыми... если, конечно, мы признаем эту реальность реальностью. Однако конечным результатом перверсивных усилий государства по стандартизации социальной жизни является то, что у большинства социальных групп по сути нет лица: мы не знаем, кто такие бизнесмены, насколько они богаты, чем зарабатывают свои богатства, как их распределяют; мы не знаем, кто такие интеллектуалы, какова их роль в обществе; мы не знаем, кто такие политики, и так далее.

Неоправданное приписывание миру предшественников горизонта будущего.

Дестандартизация осуществляется также путем неоправданного приписывания миру предшественников горизонта будущего. В Республике Беларусь давно существует культ пожилых людей, ветеранов и так далее. На то, что это не просто дань уважения возрасту, заслугам, опыту и бесспорным достоинствам пожилых людей, но целенаправленная социальная политика, указывает прежде всего тот факт, что социальный слой ветеранов каждый год обновляется, омолаживается и расширяется за счет новых членов. Если раньше мы видели на парадах ветеранов в собственном смысле (т. е. тех, кто защищал нашу родину в годы Второй мировой войны), то теперь среди них числятся и ветераны войны в Афганистане, и матери-героини, и ветераны труда, и, наконец, просто хорошие бритые парни, которые не побоялись пойти за президента и в огонь, и в воду, и в медные трубы.

При всей разношерстности новой социальной группы ветеранов она пользуется все тем же символическим капиталом — быть надежным прошлым мира наших предшественников. Но при этом им приписывается прогрессивная социальная функция — быть предметом для подражания или, выражаясь на языке Шюца, идеально-типической моделью. Однако этот социальный проект наталкивается на существенные затруднения. Во-первых, как говорилось выше, мир предшественников (они-отношение) в социальном отношении лишен горизонта будущего, он инвариантен, он уже сбылся. Как бы мы ни старались вчувствоваться в события 60-летней давности, у нас с каждым годом это будет получаться все хуже и хуже по той простой причине, что все-таки мы живем в мирное время. Сегодня немцы нам не враги, но, скорее, идеальные работодатели, втайне желанные мужья и жены, коллеги и, наконец, обычные люди со своими радостями и бедами. И уж конечно, сегодня нет никакой нужды отправлять поезда под откос и отдавать свои жизни «за Родину, за Сталина». Во-вторых, в отношении предшественников невозможно осуществить социальное воздействие с целью ожидания реакции. Иными словами, даже если весь белорусский народ, включая грудных детей и безумных старцев, синхронно промарширует к вечному огню, великая победа советского народа от этого не станет еще более великой. Скорее, это мы, будучи обусловлены регулярным празднованием Дня Победы, изме-

нимся. То есть в отношении мира предшественников возможна лишь односторонняя реакция — в их адрес, но нет и не может быть никакой ответной реакции. А это означает, что с миром предшественников не может состояться полноценное социальное взаимодействие.

Это, в свою очередь, означает, что в форме этого — в социальном отношении безжизненного — действия государство вырабатывает навыки поведения, согласно тем нормам, которые в наибольшей степени соответствуют властным представлениям об идеальном социуме. Само это представление может быть не артикулировано, не рефлексивно, но всего лишь интуитивно подразумеваемо. Однако суть дела от этого не меняется — общество регулярно отрабатывает навыки социального поведения или проходит стандартизацию. В этой связи интересен вопрос о том, какой облик имеет этот подразумеваемый и желанный властью социум. Наконец, в-третьих, если в случае с ближайшим и более широким социальным окружением имелось некое смутное ядро, служащее исходной точкой типизирующей интерпретации, то в случае с предшественниками этого нет.

Итак, даже этот неприхотливый анализ дает понять, что белорусская стабильность целиком и полностью базируется на — целенаправленной (рефлексивной) и нецеленаправленной (до-рефлексивной) — дестандартизации социальной жизни. В свою очередь, ситуация дестандартизации содержит в себе угрозу для общества как осмысленного социального целого и является причиной разобщенности индивидуумов, которые с трудом устанавливают осмысленное социальное взаимодействие по горизонтали и по вертикали. На горизонтальном уровне в Беларуси, по сути, утрачена связь между ближайшим социальным окружением и более широким социальным окружением в силу того, что: а) навыки социальной жизни не интериоризированы в социальное поведение, т. е. не стандартизированы, но всегда имеют характер окказионального, ситуативного поведения, которое каждый раз меняется в зависимости от изменения политической и экономической ситуации; б) даже мало-мальски стандартизированные навыки слишком быстро устаревают. В результате утрачивается нормальное социальное взаимодействие на вертикальном уровне: старое поколение не в состоянии передать свой социальный запас знания молодому поколению, если, конечно, не считать

знанием то, что «в этом обществе ничего непонятно и нужно быть готовым к любому повороту событий».

IV. Конформистская этика и дух консюмеризма: «сообщество потребителей»

Однако означенная выше ситуация дестандартизации и атомизации общества вовсе не означает, что для Беларуси не характерны никакие упорядоченные коллективные формы существования, определяющие социальный организм как контекстуальное, смысловое целое. На мой взгляд, потребление в современной Беларуси медленно, но верно превращается из приватного и недостойного интереса удовлетворения потребностей в реальную социальную силу, консолидирующую все разрозненные социальные группы. Мы можем говорить о том, что сама эта культура все еще недостаточно «культурна» и даже недоразвита, перверсивна, «скромна», но, тем не менее, все эти определения относятся к главному термину, так сказать, к *ηυροκειμενον*⁴ нашего социального бытия — *обществу потребления*.

При этом имеется в виду не только и не столько, в общем-то, бесспорный факт: сегодня современному белорусу есть что потреблять и есть что терять (в отличие от времени «отсутствия всего, кроме цепей», в 1994—1996 гг.). Когда речь идет о формировании общества потребления, то тем самым подразумевается, что закладывается новая экономическая среда и, соответственно, новая социальная идеология, новые способы закрепления социальных связей и их функционирования. Определяющей здесь является сам феномен потребления (прежде всего как социальное явление). Потреблять означает не просто обладать благами, но управлять самим процессом потребления и интенсифицировать его: с каждым разом потреблять все больше и больше, а по возможности все лучше и лучше⁵. Понятно, что такое общество лишено каких бы то ни было регулятивных идей и моральных принципов. Поэтому призыв представителей оппозиционного движения к совести, достоинству и «ответственности перед

будущим» тех, кто составляют сегодня «кооперацию потребителей», по меньшей мере наивен и вызывает горькую улыбку.

Потребитель вообще и белорусский потребитель в особенности как социальная единица сориентированы на предельно конкретные содержания (продукты питания и одежда, приятная сфера обслуживания, приятное времяпрепровождение и т. д.). Все остальные, более абстрактные и общие содержания, вызывают если не отвращение, то скуку и апатию. И здесь, как ни странно, представители госагитпропа и глашатаи альтернативного пути Республики Беларусь разделяют общую судьбу: и те, и другие уже надоели, неинтересны и скучны. Гражданин Беларуси «филонит» призывы и тех, и других, хотя и не равным образом: для того чтобы «филонить» *приказы* государства, нужно прилагать гораздо больше усилий, чем «филонить» *призывы* оппозиции (особенно, если этот гражданин, так сказать, «государственный житель», т. е. работает в сфере государственных структур). По сути, потребитель-одиночка как социальная единица в Беларуси оказался предоставленным самому себе, своим потребительским желаниям, своим потребительским возможностям и рынку услуг. *Индустрия потребления — это самое большое и, пожалуй, самое существенное завоевание в ходе всех социальных и экономических мутаций Беларуси последних лет*. Существенность его состоит в том, что оно все больше и больше становится определяющим фактором новой модели жизни — жизни в обществе потребления. Здесь мне бы хотелось подчеркнуть позитивный характер понятия «общество потребления» — оно употребляется не как риторическая фигура, призванная изобличить и пристыдить «порочное общество», но как фигура дескрипции, которая позволила бы «не смеяться, не плакать, но понимать» (Бенедикт Спиноза). Более того, оно имеет универсальный характер, является преимущественной формой культурной жизни современных развитых обществ и, увы, не изобретено интеллектуалами процветающей Беларуси. Тем самым я хочу сказать, что сопротивляться «обществу потребления» так же бессмысленно, как сопротивляться природному катаклизму: *путь реформации*

⁴ *ηυροκειμενον* (греч. *субстрат, подлежащее, основа, суть*) — термин, употребляемый Аристотелем для обозначения основы (сущности) бытия.

⁵ Вопрос: имеет ли это место у нас? Специфика нашего типа интенсификации.

Беларуси может идти не вопреки обществу потребления, но изнутри него, т. е. следуя его внутренней логике. Ведь, как говорит Бодрийяр, «потребление — это не пассивное состояние поглощения и присвоения, которое противопоставляют активному состоянию производства, чтобы уравновесить таким образом две наивные схемы человеческого поведения (и отчуждения). Следует с самого начала заявить, что потребление есть активный модус отношения — не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, что в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия, что на нем зиждется вся система нашей культуры» (Бодрийяр, 1995: 164).

Разумеется, здесь можно было бы вполне оправданно и правомерно возразить, что общество потребления, о котором говорит Бодрийяр и «сообщество потребителей» Беларуси — две разные вещи. Трудно с этим не согласиться. Действительно, уровень запросов потребителей развитых обществ намного превышает уровень запросов потребителей нашей страны. На настоящий момент описывать индустрию потребления в Беларуси как «идеалистическую практику, которая за известным порогом уже не имеет более ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности» (там же), — значит обманываться в белорусских реалиях и выдавать желаемое за действительное. Сообщество потребителей Беларуси далеко от того «заветного порога», о котором говорит Бодрийяр. И тем не менее, мне представляется возможным и в теоретическом отношении продуктивным использование этого концепта при анализе реалий современного общества. На мой взгляд, логика общества потребления, несмотря на все ее специфические трансформации и искажения в сообществе потребителей Республики Беларусь, прижилась и, так сказать, «пустила свои корни», учредив новый «дух капитализма» — *консюмеристского капитализма «па-беларуску».*

Потребление и отчуждение от социальной реальности. Власть не упускает случая верно использовать разобщенность не только общества в целом, но и отдельных социальных групп (яркие примеры — демонстрации протестов отдельно взятых предпринимателей, отдельно взятых таксистов и прочих пассионарных трудовых коллективов). Принцип «разделяй и властвуй» сейчас реализовать очень просто, поскольку общество в силу своей нестабильности в вышеозначенном смысле и так разделено до «элементарных частиц» (индивидов), не доверяющих ни своему «трудовому коллективу», ни начальникам, ни «соратникам» по своему «социальному статусу», ни обществу в целом. Оппозиционное движение тоже адресует свой призыв к предполагаемому «идейному обществу», только уже основанному на принципе ответственности и морали. Однако современные реалии таковы, что ни об ответственности (т. е. умении принимать самостоятельные решения), ни о моральных критериях социального поведения в Беларуси говорить не приходится. Посткоммунистическая атомизация общества находит в культуре потребления свой новый катализатор, который доводит атомизацию общества до совершенных, законченных форм: «не символизируя собой какое-либо человеческое отношение, все время пребывая вне его, в “отсылочности”, они тем самым описывают неизбывную пустоту отношений, когда оба партнера взаимно не существуют друг для друга». В обществах потребления происходит социальное отчуждение индивидов не только от общества в целом, от социальной группы и других индивидов, но и от самой социальной реальности в целом⁶.

«...Во всех этих вещах обозначается *идея отношения*, она в них “потребляется”, а тем самым и **отменяется** как реально переживаемое отношение». Этот объективно присущий характер обществ потребления власть, опять же, в отличие от оппозиции тонко улавливает и активно интегри-

⁶ Здесь под отсутствием реальности подразумевается отсутствие реальности не только в референциальном, но и в конвенциональном смысле. Конвенция не может состояться в силу того, что сомнительными являются оба «притязания» на правдоподобный дискурс — и притязание власти с ее агитпропным «оптимистическим оптимизмом», и притязание оппозиции с ее контрагитпропным «пессимистическим пессимизмом». *В информативном отношении одно притязание является отражением другого, а не отражением реального положения дел в социуме.* Например, мы видим, как на БТ разносят в пух и прах оппозиционные идеи или действия, которые в свою очередь являются критической реакцией на озвученный на БТ же официоз, который в свою очередь не имеет никакого отношения к реальным проблемам, но по большей части к идеологии, т. е. опять же, к сфере потребления социальной реальности, по законам которой реальность должна быть хорошо упакована, выглядеть свежей и чистой и, что самое главное, способной совратить нас на то, чтобы мы на нее «купились», т. е. согласились именно на эту версию правды и приняли ее за единственно верное, реальное положение дел.

рует в свой тоталитарный дискурс. Мы часто слышим от нашего суверена слова о том, чтобы не забивать себе голову неприятной политикой, но заниматься гораздо более приятными вещами: покупать мебель, холодильники, телевизоры, квартиры... Отчуждение от политической и социальной жизни приводит к тому, что в социуме Беларуси начисто отсутствует ощущение социальной реальности, реального социального отношения. Это *делает незаметной саму границу между реальным и тем, что «может быть», «должно быть» или «как бы есть»*. В этом смысле показательна ситуация с выборами президента: то, что просто фантастические 83% у подавляющего большинства не вызвали никакого артикулированного возмущения, как раз и свидетельствует о том, что многие сомневаются не только в официальных данных, но и в данных альтернативных соцопросов. А это означает, что *подавляющее большинство граждан сомневается, что сегодня вообще можно установить, зафиксировать и адекватно транслировать какой-либо факт социальной жизни*, т. е. для подавляющего большинства *социальных событий просто нет*, они, как говорит Бодрийар, «как реально переживаемые отношения отменены». Для граждан Республики Беларусь остались одни «идеи социальной жизни» («как должно быть», «как могло бы быть», «как будет» и «как есть»). А потому в сфере политической мы, опять же, имеем дело с логикой «общества потребления»: каждый потребляет ту идею политической реальности (= «живет той политической жизнью»), которая ему больше нравится, соответствует его желаниям и ожиданиям. Именно поэтому современный белорус может поболтать о политике на кухне, покудахтать и даже повозмущаться, но никогда не пойдет ни на «майдан», ни на «бангалор». Он лучше понаблюдает со стороны или, еще

лучше, с дивана по телевизору. И дело здесь не в социальной пассивности, терпеливости и прочих этнических экзистенциалах, но в том, что за последние 10 лет благодаря усилиям власти и оппозиции *политическая жизнь благополучно переведена в сферу идеального или переживания идеи социальной жизни*. Лежать на диване и рассматривать «социальную жизнь» (удел тех, кто выбрал официальную версию политической жизни) или «читать» о ней в Интернете (удел тех, кто выбрал альтернативную версию) — это и есть сегодняшний способ «переживания» гражданином Республики Беларусь «социальных перипетий» и «гражданского участия в жизни общества».

В этой связи возникает ряд вопросов, которые уже выходят за пределы данного исследования и могут быть поняты в качестве ориентиров для дальнейшего развития этой темы. Можно ли сказать, что консюмеристские тенденции в Беларуси подразумевают также формирование новых типов социального поведения и, соответственно, новых (рыночных) механизмов стабилизации социума, близких к тем, которые сформировались в развитых европейских странах? Если ответ будет негативным, то дальнейшие вопросы автоматически снимаются. Если же ответ будет позитивным, то неизбежно возникнет ряд других вопросов, а именно: насколько значимы тенденции социальной стабилизации, отмеченные в локальных средах (частный бизнес, негосударственная сфера услуг и др.) для социума Республики Беларусь в целом? Каким образом соотносятся механизмы официальной (государственной) и частной (рыночной) стабилизации социума Беларуси? Каковы перспективы и риски для социума Беларуси в случае с усилением и экспансией новых механизмов социальной стабилизации?

Литература

1. Беларусь нечем похвастаться в сфере управления государством перед странами бывшего СССР // Интернет-версия газеты БДГ. 21.09.2006.
2. Бодрийар Ж. Система вещей. Москва. 1995
3. Князев С., Решетников С., Адуло Т. и др. Основы идеологии белорусского государства: Учебное пособие для вузов. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004.
4. Луман Н. Реальность массмедиа. Москва, 2005.
5. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. Москва, 2004.
6. Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Frankfurt am Main. 1960.